

Письмо
в редакцию

С удовольствием прочитал статью Б. Портной-Рубиной и К. Рудминской «Бабий Яр» Ефима Рудминского» и хочу поблагодарить авторов за эту публикацию. Живописные работы Рудминского, даже воспроизведенные в черно-белом варианте, сразу привлекают к себе, они завораживают своей выразительностью и некоторой загадочностью.

Эта статья вызвала у меня ряд воспоминаний из киевского периода моей жизни. Ефим Рудминский, как и я, работал в 60-е годы в институте УкрНИИгипросельхоз. При этом и он, и я занимались проектированием общественных зданий. Институт был разбросан по городу. Когда мою мастерскую перевели в здание на ул. Чекистов, мы с ним познакомились. Я уже был главным архитектором проектов, Фима работал в первой мастерской с хорошими архитекторами. Его ГАПом был Виктор Шерман, его соавтором Ася Лерман (к сожалению, рано ушедшая из жизни). И Виктор, и Ася очень хорошо отзывались о Фиме, тогда молодом архитекторе. Я с ним тоже познакомился поближе. Это был очень скромный и тихий молодой человек небольшого роста с округлой бородкой. Я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос. Мы с ним вели длительные беседы о живописи. Мне тогда разрешили прочитать серию лекций по современной западной живописи в КиевЗНИИЭПе, и мне было очень интересно выслушать его мнение по этим вопросам. Кроме того, он оказался любителем и в какой-то мере знатоком различных графических приемов. С его легкой руки я попробовал заняться монотипией. В этот период я почти не видел его живописных работ, так как он редко участвовал в выставках. Он работал над проектом здания Харьковского сельхозинститута и проектом Киевского ипподрома. Я запомнил выполненный им экспозиционный материал Киевского ипподрома.

ВСПОМИНАНИЯ МАСТЕРА

Потом наши пути разошлись. У меня была аспирантура, он ушел в институт КиевНИИградогостроительства. Мы встречались редко на мероприятиях Союза Архитекторов, в котором я был членом Правления.

Следующая наша - более продолжительная - встреча прошла во время 2-го конкурса на проект Мемориала в Бабьем Яру. Первый конкурс (1967 года), на котором мы с архитектором Ю.Паскевичем и скульпторами И.Коломиец и Г.Хусидом получили 1-ую премию, не привел ни к каким реальным результатам. В этом конкурсе я считал лучшим проект скульптора В.Сеидера, хотя его даже не отметили, так как он единственный вышел на реальную площадку трагедии и был наиболее драматичным. Мы заказа не получили. Прошло 25 лет. Честно говоря, зная наше республиканское руководство, я и в этом новом конкурсе не рассчитывал на реальные результаты. Положительным в нем было то, что уже установили подлинное место трагедии и разрешили большие объемы Мемориала.

Мы с Паскевичем опять приняли участие в этом конкурсе. К нам присоединился талантливый художник Ким Левич. По результатам этого конкурса первую премию присудили Аврааму Милецкому, одному из сильнейших киевских архитекторов, Вольфу Дермеру и Вадиму Леви, приславшим свой проект из Израиля, вторую премию Ефиму Рудминскому, третью премию нам, поочередные премии - Анатолию Игнащенко и Ларисе Скорик с соавторами Виктором Лыхно, Евгением Бабичуком и Еленой Матушенко. Все эти проекты были достаточно интересными и профессиональными. Грамоты и премии, в отличие от первого конкурса, были выданы в срок. Нам обещали, что либо проведут второй тур среди авторов премированных проектов, либо со-

ставят комплексную бригаду для разработки окончательного проекта. Ничего, ни другого не сделали. И вот мы, авторы премированных проектов, решили объединиться и бороться за продолжение этой работы. Вот тут я встречался с Фимой неоднократно. Собирались мы втроем в мастерской Игнащенко. Паскевич и Левич от этого отказались. Скорик присоединилась к нам позже. Мы были согласны на любой из двух предлагаемых вариантов продолжения работы - лишь бы ее дали сделать. Но все сильные мира сего молчали. Мы втроем составили программу второго тура и условия конкурса, если он будет, мы составили программу разработки проекта, если будет совместная бригада. Каждому из нас хотелось довести этот проект до конца. Фима очень переживал сложившуюся ситуацию. «Проталкивать» наши разработки мы попросили Скорик, так как она была членом Рады и была вхожа в Правительство. Эффект был равен нулю - никто не хотел заниматься Бабьим Яром. Мне и Ларисе удалось уговорить президента Союза Архитекторов И.Шпару помочь нам. Мы обратились в Горисполком. Они сказали, что у них денег нет, и нас оттуда «отфутболили» в Министерство культуры. В Министерстве культуры нам сказали, чтобы мы делали проект за свой счет, а они будут следить за идеологической стороной и переправляли в общество «Бабий Яр» к А.Шлаену, у которого денег вообще не оказалось. Пройдя дважды по кругу все эти инстанции, мы поняли, что дальнейшие наши попытки не будут иметь успеха.

В этот период я знал Ефима как хорошего архитектора и знатока живописи. Мне приятно было беседовать с ним на эти темы. Сейчас, когда я открыл его сайт, я отнесся к его творчеству совсем по-другому. Его скромность и крайне редкое участие в выставках не давали мне представ-

ления о нем как о живописце. Сейчас я увидел, что это был зрелый мастер живописи со своим стилем и характером изображения. Больше всего производит впечатление эмоциональная сторона его живописи. Даже некоторая незаконченность работ соответствует его стилю - она создает определенную таинственность, загадочность портретов и тонкую лирику пейзажной живописи. Ему приходилось работать в тяжелых условиях. В то время в Украине не было загрунтованных холстов, он, очевидно, сам грунтовал картон. Трудно было с кистями и красками. И, тем не менее, его картины очень выразительны и сильны своей духовностью, своеобразным колоритом. Мне жаль, что нам не пришлось вместе делать проект Мемориала. Его высокая духовность, безусловно, способствовала бы успеху проекта. Сейчас некоторых участников этих событий уже нет - ушел Фима Рудминский, ушел Юрий Паскевич, получивший звание Заслуженного Архитектора за реконструкцию синагоги Бродского и создавший вместе с Киямом Левичем Менору в Бабьем Яру.

Я перелиставаю «Мистецтво України» (библиографический справочник) и между именами Рудковский и Рудницкая не нахожу фамилии Рудминский. Это очень обидно. Его творчество заслуживает самой высокой оценки. Мне, конечно, приятно, что меня здесь не забыли, но обидно, что нет профессора живописи Михаила Штейнберга, моего дяди. Я надеюсь, что в дальнейших изданиях эти ошибки будут исправлены и имя Ефима Рудминского займет достойное место среди мастеров живописи Украины.

Академик Украинской
Академии Архитектуры,
архитектор-художник
Александр ШТЕЙНБЕРГ